УДК 355.401

Зверев В.О., доктор исторических наук, доцент, Омская академия МВД России (Россия).
Цепилов А.Е., кандидат юридических наук, Омская академия МВД России (Россия)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОДРОСТКОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ИНТЕРЕСАХ ГЕРМАНСКОЙ РАЗВЕДКИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Благодаря введенным в научный оборот ценным первоисточникам и их объективной интерпретации авторы удостоверились в том, что многие подростки из числа российских подданных были результативными агентами и именно им поручалось решение сложных и разнородных разведывательных задач. К таковым относились – выявление «брешей» или слабоукрепленных оборонительных позиций русских войск на линии фронта, изучение численного состава в передовых частях, их вооружений и настроений, а также фиксация количества и боеготовности кораблей военного флота России в морских гаванях, представляющих военно-стратегический интерес. Обобщение имеющихся уникальных статистических данных по задержанию подростков подвигло к мысли о значительном масштабе вовлеченности в шпионаж подростков и немалой доле их персонифицированного участия в сборе военных сведений о русской обороне на всей протяженности Северо-Западного фронта. Исследуя побуждающие к преступной деятельности факторы (на примере конкретных преступных деяний), авторы статьи пришли к убеждению о доминировании лично-корыстной мотивации или стремления спасти свою жизнь в сознании несовершеннолетних шпионов. Все остальные выявленные нами побудители – игровой, ощущения риска и опасности, «немецкие корни», симпатия к офицеру-вербовщику – играли второстепенную роль. Предпринятые меры по выявлению и удалению из действующих армий подростков-добровольцев в целях предупреждения шпионажа, ощутимого эффекта так и не принесли.

Ключевые слова: подростки-шпионы, добровольцы, линия фронта, русская армия, немецкая разведка, контрразведка.
DOI:10.22281/2413-9912-2024-08-04-27-33

Введение. Ведомственная переписка русской контрразведки, датированная кануном и периодом Первой мировой войны, свидетельствует о наличии различных профессионально-поведенческих форм проявления германского шпионажа. Вербовщики «примеряли» на своих агентов разные личины (конспиративные образы) – от бродячих цирковых артистов, путешественников, рыбаков и охотников, контрабандистов, уличных торговцев (коробейников), аэронавтов, репортеров, торговых и дипломатических представителей до беженцев, бывших военнопленных, проституток, нищих (бездомных), сумасшедших, глухонемых и т.д.

По мере выявления контрразведчиками заброшенных через линию соприкосновения и внедренных в расположение русских войск и ближайший тыл врагов, совершенствовались и формы их конспирации – на лицах немецких шпионов появлялись все новые «маски». С возникновением в конце 1914 г. на Восточном фронте феномена «добровольчества» в детско-подростково-юношеской среде, германская военная разведка приступила к склонению плененных подростков-добровольцев, а также их сверстников (под видом добровольцев) в оккупированных районах к измене Родине.

В настоящее время историография проблемы использования российских подростков в целях шпионажа в пользу Германии практически не освещена. Нам удалось познакомиться с редкими трудами, которые, в части нас интересующей, возымели лишь констатационный характер [1; 2; 3]. За рамками научных изысканий остались вопросы определения масштабности подростково-шпионской преступности и ее мотивации. Хотелось бы узнать, чему учили малолетних преступников в разведшколах и какие задачи перед ними ставили? Раскрытию этих и некоторых других научных проблем будет посвящено наше исследование.

Основная часть. Прежде всего, определимся с размером и степенью опасности военно-криминальной угрозы со стороны подростков-шпионов (а точнее, тех несовершеннолетних, кто попал в поле зрения жандармских и контрразведывательных органов) через осмысление их численности и результативности. Согласно имеющемуся у нас документу – «Сводка полученных в районе армий Северо-Западного фронта сведений о лицах, заподозренных в государственной измене и военном шпионстве с 1 января по 1 мая 1915 г.» – из 1069 подозреваемых в шпионаже лиц подростков отмечено 49 человек (13-17 лет). Среди них было и 6 девушек [4, л. 1-100].

О чем повествует приведенная статистика? С одной стороны, в сравнении с общим количеством выявленных взрослых, цифра по несовершеннолетним мизерная и не заслуживающая внимания. Тем более, что большинство детей из названного числа были только «заподозрены в

© Зверев В.О., Цепилов А.Е.
© Zverev V.O., Tsepilov A.E.

занятии военным шпионством» и лишь меньшая их часть была задержана по конкретным основаниям – «занимался сбором сведений о расположении русских войск», «находился в сношении с германскими войсками и оказывал им содействие», «пытался проникнуть в расположение германских войск», «пытался пройти в расположение русских войск», «в целях шпионажа желал поступить в русские войска добровольцем. При обыске у него оказался немецкий пропуск».

С другой стороны, как видно из переписок контрразведчиков, подростки-шпионы были потенциально более удачливыми и, как следствие, эффективными, нежели чем взрослые преступники аналогичной категории. Так, при переходе линии фронта со стороны немецких окоп зрелым человеком, его тотчас же брали под стражу и доставляли в ближайший штаб для выяснения личности. В случае с несовершеннолетним, тем более «спасавшимся бегством от ужасов войны и насилия, чинимого немецкими солдатами» (эта немецкая легенда была психологически выверенной, а потому весьма убедительной), его окутывали вниманием и заботой, давали хлеб, не прибегая к формальным процедурам. Созданные таким образом субъективно-благоприятные условия и, прежде всего идентификация подростка «как своего», позволяли ему какое-то время «законно» и безопасно пребывать в расположении русских войск и осуществлять визуальную разведку.

49 политически нелояльных подростков на широкой протяженности Северо-Западного фронта – от р. Немана до р. Буга – представляли собой серьезную силу, способную своими целенаправленными и профессиональными действиями по сбору своевременных и достоверных разведданных ослабить любой из участков русской обороны. Гипотетически, можно полагать, что отступлением русских войск в июне-июле 1915 г. из Царства Польского (Привислинский край) немцы были хоть и частично, но обязаны ранее шпионившим в нем российским подросткам.

Доказательством этой версии является вышеприведенная статистика, одним из показателей которой было количество задержанных подростков. Причем большая их часть – 42 из 49 человек были схвачены в районе ве́дения петроковского губернского жандармского управления (далее – ГЖУ) – 17 чел., сувалкского ГЖУ – 7 чел., плоцкого ГЖУ – 5 чел., варшавского ГЖУ – 4 чел., контрразведывательных отделений (далее – КРО) штабов 1-й и 12-й армии – по 4 чел. и Калишского ГЖУ – 1 чел. [4, л. 1-100].

Вскоре, избежав уголовной ответственности и оказавшись на свободе, некоторые из подростков предпринимали попытки пересечь линию фронта. В случае спеха, немцам передавались актуальные разведсведения, например, о крепостях Згерж (Петроковская губерния), Новогеоргиевская, Варшавская (Варшавская губерния), Ивангородская (Радомская губерния), а также мостах, железнодорожных узлах и других стратегических объектах Привислинского края.

Во второй половине 1915 г. – в 1917 г. немцы продолжили заброску своих агентов из числа российских подростков, что нашло свое отражение в ряде архивных дел. Обратимся лишь к некоторым упоминаниям: «Немцами из Вильно выслан на разведку 17-летний поляк» [5, л. 329]. «Сентябрь 1915 г. Жители Мариамполя Сувалкской губернии состоят на услугах в германской армии в качестве шпионов – Адольф Пецольт, 14 лет и гимназист 6 класса Иосиф Клем» [5, л. 15]. «31 октября 1915 г. Вскоре немцы вышлют из разведотделения штаба Южной армии под командованием генерала Феликса фон Ботмера подростка-гимназиста Курельця, ученик 6 класса, католик» [5, л. 189, 190]. «Ноябрь 1915 г. Германцы выслали из Барановичей под видом добровольцев 10 шпионов подростков, одетых в форму русских солдат» [5, л. 294]. «12 декабря 1915 г. Немцы выслали в Несвиж из Люблинской и Любишевской германских разведшкол вместе с 12 взрослыми шпионами и подростка Михаила, 16 лет. У каждого было по пять ручных бомб. Задача – употребить бомбы для совершения покушения на ВЫСОЧАЙШЕМ смотре и, при случае, для порчи мостов» [5, л. 368, 370]. «23 июля 1916 г. на ст. Сиротино Риго-Орловской железной дороги был задержан по подозрению в шпионаже 14-15-тилетний в солдатской форме Михаил Сакович. Он производит впечатление очень развитого мальчика. По-видимому, хорошо знает местность, о которой упоминает. Свободно разбирает карту, безошибочно определяет масштаб и измеряет расстояние» [6, л. 61]. «17 мая 1917 г. на ст. Витебск был задержан Иван Слатин, 13 лет от роду… В 1916 г. он отправился с солдатами в ночную разведку, был захвачен немцами… Получил предложение от допрашивавшего немецкого офицера отправиться в разведку на русские позиции... Производит впечатление развитого ребенка» [6, л. 170].

Михаил Сакович

Иван Слатин

Об эволюции и размахе «подросткового шпионажа», стремительном расширении его географии и использовании как надежного инструмента осведомления, говорит и тот факт, что к началу 1917 г. только в частях 3-й армии Западного фронта контрразведкой были выявлены 12 подростков-шпионов из числа добровольцев, прошедших курс обучения в иностранных разведшколах [7, л. 19].

Как долго ослаблялась боеспособность 3-й

армии и какие из интересов ее собственной безопасности пострадали, выяснить не удалось. За границами проведенного нами исследования также остался вопрос о том, как названные подростки-военнослужащие 3-й армии поддерживали связь с немцами? Вместе с тем, но уже на другом примере, авторам стали известны некоторые подробности «подросткового шпионажа» против рассредоточенных вдоль Риго-Двинской железной дороги 12-й, 5-й, 1-й и 2-й армий (Северный и Западный фронты).

1 октября 1915 г. полевым караулом 4-й роты 2-го Кавказского стрелкового полка в районе г. Якобштадта был задержан пятнадцатилетний мещанин г. Митавы Курляндской губернии Эдгар Иоганов Шмидт (при обыске у него изъяли 75 руб.). В КРО он сознался в том, что 4 августа получил задание в немецком разведывательном бюро г. Басук и спустя шесть дней был выслан в расположение русских войск, дислоцированных в районах железнодорожных станций Рингмундсгоф, Ремерсгоф, городов Рига, Двинск, Вильна и др. Вернувшись 30 августа Шмидт получил вознаграждение – 255 руб. [8, л. 49; 12, л. 4].

Из сказанного следует, что только в августе-сентябре мальчик заработал на измене Родине 330 руб. Это денежная сумма, к примеру, превышала месячное жалование начальника ГЖУ (должностной «потолок» – полковник) или равнялась четырем месячным зарплатам профессионального рабочего-мастера на Путиловском заводе г. Петрограда. Нам остается только догадываться насколько важными были добытые Шмидтом разведданные, что немцы при своей ментальной расчетливости, бережливости и аккуратности передали ему столь щедрый гонорар. Причем бóльшую часть денег, о чем было сказано выше, агент получил по итогам успешно выполненного первого задания.

В момент расплаты, по нашему мнению, произошел моральный и психологический надлом в сознании Шмидта. Он познал «вкус легкого заработка, быстрой и крупной суммы денег». При этом нравственная сторона содеянного (предательство Родины) вряд ли отягощала его мысли. Лично-корыстный интерес, являясь преобладающим мотивом, был усилен игровым побуждением. Будучи за линией фронта Шмидт был «своим среди чужих, чужим среди своих», а удачное лицемерие и актерствование во «вражеском окружении» повышали самооценку подростка как профессионального шпиона и храброго человека. Кроме того, причинно-мотивационный комплекс псевдогероя был дополнен запомнившимся ощущением риска и опасности (балансирование на грани разоблачения), а также чувством безнаказанности за совершенное уголовно наказуемое деяние.

Возможно неочевидное, но глубокое влияние на формирование мотивации преступной деятельности, а вместе с ней и окончательный выбор стороны вооруженного противостояния (русские или все же германцы?) был предопределен не только «немецкими корнями» Шмидта, но и изящно проведенной в отношении него вербовочной работой. Ключевую роль в ней мог сыграть заведующий немецкого бюро шпионажа в г. Поневеже некто Бансвер. Этот офицер, как видно из переписки разведки/контрразведки штаба Северного фронта, выстраивал со своими агентами доверительные связи – «хорошо общался», принимал у себя на квартире, кушал за одним обеденным столом, вел непринужденные разговоры об околовоенных настроениях русского населения [8, л. 49]. Оказавшись в обществе этнического немца, офицера, утонченного знатока человеческой души и опытного агентуриста, на уровне ассоциативных связей Шмидт мог увидеть в нем собирательный образ тевтонского вóйна-победителя, проникнуться личной симпатией и желанием быть похожим на него.

Совершенно другая мотивация шпионажа в пользу Германии была у задержанного в феврале 1916 г. бывшего ученика 3-го класса либавского реального училища Альфреда Шмединга (немец по национальности). После захвата германцами г. Либавы 24 апреля 1915 г. 15-тилетний подросток, потерявший накануне войны родителей, лишился последнего источника материальной помощи от дяди, воевавшего в русской армии на Кавказе. Оставшись без средств к существованию, мальчик, инстинктивно борясь за свою жизнь, начал поиски заработка. Через некоторое время он получил предложение содействовать немецкой морской разведке, с обещанием достойной оплаты – 10-15 тыс. марок [9, л. 330]. Этот посул и явился мощным стимулом для осознанного сотрудничества.

В течение месяца Шмединг прошел подготовку в либавской морской разведшколе. Ее заведующий обер-лейтенант фон Гейдебрек познакомил нового курсанта с некоторыми «премудростями» шпионского ремесла. К примеру, были раскрыты азы шифровального дела. Учил каким образом и в каких местах на открытках с городскими видами излагать собранную развединформацию путем нанесения наколов булавкой. Так, помета посередине говорила о том, что судно, находится в гавани. Накол в нижней части открытки свидетельствовал о наличии в ней торпедных и подводных лодок. Указанные на открытке первоначальные буквы подразумевали следующий смысл: «П» – прибывшие, «Г» – в гавани, «О» – отбывшие и т.д. Наконец, начальные и конечные слоги обозначали названия русских военных судов, а именно: «Ганут», «Полтава»,

«Севастополь», «Петропавловск», «Цесаревич», «Рюрик» [9, л. 331].

По завершению обучения в разведшколе, как видно из протокола допроса от 14 февраля 1916 г., перед Шмедингом были поставлены сложные и разнопрофильные задачи: «…по приезду в Ригу узнать какие укрепления, какие полки стоят, какие суда входят и уходят в море. Узнать в Гапсале и Пернове, где беспроволочные телеграфы на островах Эзель и Даго, где строятся подводные лодки и сколько их. Где в Риге склады масла для подводных лодок, где изготовляются оружие, патроны, снаряды» [9, л. 331]. Кроме того, «надо было узнать, какое настроение в России. Нет ли бунтов, кто назначен адмиралом на Балтийский флот, какие цены на товары?» [9, л. 331].

Во второй половине января 1916 г. Шмединг, получив на текущие расходы 115 руб., был сопровожден через города Митава и Туккум на «последнюю немецкую позицию». Но, вскоре близ передовых окопов русских войск подростка пленили. После изобличения в причастности к шпионской деятельности, задержанный дал признательные показания.

В отличие от Шмидта и Шмединга, пошедших на контакт с военно-розыскными органами, встречались подростки с противоположными намерениями. Весной 1915 г. из Варшавского ГЖУ в неизвестном направлении убежал 15-тилетний Юзеф Смысловский, «пришедший со стороны неприятеля» и задержанный на передовых позициях в районе 2-й армии [10, л. 50-51]. 4 июля 1916 г. на ст. Смоленск был задержан проезжавший в воинском эшелоне одетый в солдатскую форму 12-тилетний Антон Власик. На допросе в КРО штаба Минского военного округа он давал «сбивчивые и запутанные показания» [11, л. 121]. Ориентировочно в сентябре 1917 г. в г. Себеже Витебской губернии была задержана неизвестная девушка 15-16 лет, назвавшаяся Людмилой Константиновой. Из ее опроса следует, что после взятия немцами г. Ковно, она попала в плен. О своем пребывании в России задержанная отказалась давать какие-либо сведения, «отговариваясь незнанием, где и когда она бывала» [6, л. 182].

Летом 1916 г. органы контрразведки докладывали армейскому командованию о том, что в огромной «детской массе» из беженцев, бродяг и добровольцев, заполонившей европейские пределы России, было немалое количество завербованных немецких шпионов. Реакция на выявленную угрозу последовала незамедлительно. 1 сентября 1916 г. в 12-й армии вышел приказ по войскам «…не допускать на позиции малолетних добровольцев. Если таковые где-то появятся, задерживать их и направлять в Штаб Армии» [7, л. 9]. Приказы аналогичного содержания доводились до войск 3-й армии (12 сентября 1916 г.), 5-й армии (24 февраля 1917 г.), 1-й армии (26 марта 1917 г.) и др. [7, л. 22, 32, 49].

Полагаем, что названная мера реагирования, распространявшаяся на десятки тысяч военнослужащих, была запоздавшей и малоэффективной. Потому, что в течение 1915 г. контрразведчики не смогли дать быструю и взвешенную оценку масштабу и величине угрозы «подросткового шпионажа», спрогнозировать возможные риски для боеспособности русских армий, предпринять превентивные и комплексные (во взаимодействии с ГЖУ) усилия по их защите. Между тем, неочевидный ущерб оборонительному потенциалу переднего края был уже нанесен. Убедительным тому аргументом являются документальные свидетельства об удачных однократных и даже двукратных пересечениях малолетними шпионами линии фронта, а это, в свою очередь, говорит лишь об одном – поставленные перед подростками шпионские задачи успешно выполнялись.

Кроме того, подросток-шпион, направлявшийся к русским в очередной раз, уже шел осмысленно, был обученным, опытным, промотивированным и простимулированным рецидивистом, представлявшим гораздо большую опасность чем «первоход». К середине 1916 г. именно «матерые» несовершеннолетние (под прикрытием добровольческого статуса) и составляли профессиональное ядро немецких агентов, внедренных не только в «окопные части», но и тыловые учреждения русской армии.

Да, и к весне 1917 г., как известно, многие подразделения действующей русской армии не представляли уже высокоидейной и боеспособной силы. В передовых частях нередко царили произвол и анархия, что проявлялось не только в неподчинении офицерам, невыполнении приказов командования или несоблюдении требований Присяги, но и, в отдельных «распропагандированных» взводах/ротах, в нежелании воевать и «братании» с врагом. Моральное разложение и утрата бдительности в армии были благоприятной почвой для появления и функционирования в ней не только «революционного элемента», но и проникавших с немецкой стороны шпионов, в том числе тех из них, кто не достиг восемнадцатилетия.

Здесь же, ставя под сомнение практику повсеместного и неукоснительного соблюдения вышеназванных приказов, не следует забывать о том, что подавляющее большинство нижних чинов русской армии происходили из крестьянских многодетных семей, были отцами, наконец людьми глубоковерующими (будь-то православные, магометане или представители других конфессий), благочестивыми и милосердными. Поэтому редкий солдат, на наш взгляд, мог «трезво»

воспринимать грязного, полуголодного, перепуганного подростка-перебежчика – как потенциального вражеского агента, даже если на нем была солдатская шинель. В детях, прежде всего, видели невинных жертв, вовлеченных в вооруженный конфликт.

И, тем не менее, благодаря вышеназванным приказам из действующей армии и ближайшего тыла были удалены 600 подростков, принятых на службу в 1916 и 1917 гг. Большая их часть была отправлена в территориальные органы полиции для водворения по месту жительства, сироты – в приюты. Были ли привлечены к уголовной ответственности упомянутые нами ранее 12 добровольцев из 3-й армии Западного фронта не известно, так как статистику по наказаниям уличенных в шпионаже подростков обнаружить пока не представилось возможным. Между тем, нам встретился архивный документ – «Книга арестованных КРО Штаба главкома Армиями Северного фронта» – в котором мы увидели дальнейшую судьбу одного из героев данной статьи. Э.И. Шмидт по приговору военно-полевого суда получил наказание в виде тюремного заключения на 12 лет [12, л. 4].

Заключение (выводы). Оказавшись в обстоятельствах военного времени и критической жизненной ситуации (потеря родных и близких, утрата крова, состояние перманентного страха и деморализации, дезориентация, нарушение самоидентичности, недоедание-голод и т.д.), многие подростки становились «легкой добычей» для армейской разведки немцев. В ходе вербовочной работы они сосредотачивались на безысходности положения, психологической незрелости, обостренном инстинкте выживания и алчности (стремление к высоким заработкам) несовершеннолетних. Играя на их низменных качествах, вербовщики создавали уникальный аморально-психологический продукт – малолетнего преступника, предателя России.

Для работы за линией фронта отбирались наиболее способные кандидаты, преимущественно учащиеся гимназий, реже безграмотные – самородки. И тех, и других, нередко, объединяли такие фундаментальные характеристики, как: хорошие физические и умственные способности, целеустремленность, надежная кратковременная и долговременная зрительная память, наблюдательность, хладнокровие, умение ситуативно лицедействовать и лицемерить.

Названные качества, усиленные курсом подготовки в разведшколах, делали новоявленных преступников совершенным орудием шпионажа. В отличие от взрослых, подростки-шпионы преодолевали большинство естественных и искусственных препятствий. Однако и контрразведка, как системный метод государственного противодействия, порой была бессильна. Если задержанный подросток не шел на психологический контакт, доверительные отношения, то не было способа или приема, который помог бы «развязать ему язык». Переписка же со спецслужбами из других армий, фронтов и военных округов, а также с жандармскими управлениями, охранными отделениями и Департаментом полиции МВД на предмет установления личности подозреваемого лица, как правило, занимала длительное время и была чаще всего бесплодной. Тем более, если шпионом был «подросток-первоход», вряд ли о нем могла наличествовать хоть какая-то информация или же его по фотокарточке опознали бы агенты контрразведки.

Не получив изобличающих вину доказательств (косвенные улики, признательные показания задержанного, взятие его с поличным), контрразведчики или жандармы отпускали подростков, а те, в свою очередь, возвращались к своим «хозяевам» и не с пустыми руками, а если быть точнее, то «не с пустой головой». В распоряжении командования передовых частей германской армии оказывались оперативно значимые военные сведения, которые, по мере заброски в русский тыл очередных кадров шпионов, регулярно уточнялись и дополнялись все новыми подробностями.

Нижние чины и их командиры, командующие русских армий, стереотипно видевшие у шпионов лишь «взрослое лицо», не смогли своевременно идентифицировать несовершеннолетних как опасных преступников, оценить проникающую и дезорганизующую неочевидную силу «подросткового шпионажа».

Список литературы

1. Звонарев К.К. Агентурная разведка. Т. 2. Германская агентурная разведка до и во время войны 1914-1918 гг. М., 1931. 163 с.

2. Канаев И.Н., Щербинин П.П. Дети-шпионы и русская контрразведка в период Первой мировой войны 1914-1917 гг. // Вестник Тамбовского университета. Сер. «Гуманитарные науки». 2008. № 8. С. 207-212.

3. Никитинский И., Софинов П. Немецкий шпионаж в России во время войны 1914-1918 гг. Тбилиси, 1942. 46 с.

4. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 2019. Оп. 1. Д. 812.

5. РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 582.

6. РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 743.
7. РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 1051.
8. РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 361.
9. РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 491.
10. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 222. Оп. 1. Д. 1888.
11. РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 848.
12. РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 138.

THE USE OF TEENAGERS OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE INTERESTS OF GERMAN INTELLIGENCE DURING THE FIRST WORLD WAR

Thanks to the valuable primary sources introduced into scientific circulation, the authors made sure that many teenagers from among Russian subjects were effective agents and it was they who were entrusted with solving complex and diverse intelligence tasks. These included the identification of "gaps" or weakly fortified defensive positions of the Russian troops on the front line, the study of the strength of the forward units, their weapons and moods, as well as fixing the number and combat readiness of the ships of the Russian navy in sea harbors of military strategic interest. A generalization of the available unique statistical data on the detention of adolescents prompted the idea of a significant scale of involvement in espionage of adolescents and a considerable share of their personified participation in the collection of military information about the Russian defense along the entire length of the North-Western Front. Exploring the factors that encourage criminal activity (on the example of specific criminal acts), the authors of the article came to the conclusion about the dominance of personal selfish motivation or the desire to save one's life in the minds of underage spies. All the other motivators that we identified – playfulness, feelings of risk and danger, "German roots," sympathy for the recruiting officer – played a secondary role. The measures taken to identify and remove teenage volunteers from the active armies in order to prevent espionage did not bring a tangible effect.
Keywords: teenage spies, volunteers, front line, Russian army, German intelligence, counterintelligence.

References

1. Zvonarev K.K. Agenturnaja razvedka. T. 2. Germanskaja agenturnaja razvedka do i vo vremja vojny 1914-1918 gg. [Agency intelligence. Vol. 2. German undercover intelligence before and during the war of 1914-1918]. Moscow, 1931. 163 p. (In Russian).
2. Kanaev I.N., Shherbinin P.P. Spy children and Russian counterintelligence during the First World War 1914-1917. Vestnik Tambovskogo universiteta [Bulletin of Tambov University]. Ser. «Humanitarian sciences». 2008. no. 8. pp. 207-212. (In Russian).
3. Nikitinskij I., Sofinov P. Nemeckij shpionazh v Rossii vo vremja vojny 1914-1918 gg. [German espionage in Russia during the war 1914-1918]. Tbilisi, 1942. 46 p. (In Russian).
4. Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv (RGVIA) [Russian State Military Historical Archive (RGVIA)]. F. 2019. Op. 1. D. 812. (In Russian).
5. RGVIA. F. 2031. Op. 4. D. 582. (In Russian).
6 RGVIA. F. 2031. Op. 4. D. 743. (In Russian).
7. RGVIA. F. 2031. Op. 4. D. 1051. (In Russian).
8. RGVIA. F. 2031. Op. 4. Д. 361. (In Russian).
9. RGVIA. F. 2031. Op. 1. D. 491. (In Russian).
10. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii [Russian State Historical Archive]. F. 222. Op. 1. D. 1888. (In Russian).
11. RGVIA. F. 2031. Op. 4. D. 848. (In Russian).
12. RGVIA. F. 2031. Op. 4. D. 138. (In Russian).

Об авторах

Зверев Вадим Олегович – доктор исторических наук, доцент, Омская академия МВД России (Россия), E-mail: zverevoma@mail.ru;
Цепилов Андрей Евгеньевич – кандидат юридических наук, Омская академия МВД России (Россия), E-mail: patron_andrey@bk.ru

Zverev Vadim Olegovich – Doctor of History, Associate Professor, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Russia), E-mail: zverevoma@mail.ru;
Tsepilov Andrey Evgenevich – Candidate of Law, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Russia), E-mail: patron_andrey@bk.ru